

Людмила ГУРЧЕНКО: «АПЛОДИСМЕНТЫ» ИЛИ «ХАРАКТЕР ПОРТИТСЯ»?

К Гурченко не относятся средне. Ее или любят или не любят. Я среди первых и скрывать этого не собираюсь. Если же вас раздражают непредсказуемые «перехлесты» Гурченко (которые как раз и придают неординарную остроту этой актерской личности), вам не стоит терять время на мои заметки. Переходите к следующему материалу.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Современник» выпустило книгу Гурченко «Аплодисменты». Факт сам по себе не такой уж выдающийся: наш народ не только самый читающий, но, похоже, и самый пишущий — на обложках все чаще встречаешь имена спортсменов, ученых, рабочих, врачей. Правда, имя на корешке — это еще не книга.

Тираж «Аплодисментов» — 100 тыс. экз. Но книгу практически не купить. Она распространяется в основном по библиотекам — честь, которой, наряду с Дюма-отцом, удостоиваются от Госкомиздата немногие. Готов над этим сколько угодно иронизировать (помянув всеу самых известных мастеров, не получивших подобного статуса), однако в данном случае не могу не оценить издательских стратегов: ведь уже первая книга автобиографической прозы Гурченко «Мое взрослое детство» (1982 г.) стала бестселлером.

«Аплодисменты», если коротко, это рассказ о популярности, чей крутой нрав Гурченко испытала на себе сполна.

Чтобы охарактеризовать книгу Гурченко, мне проще сказать о том, чего в ней нет. Нет клубничного коктейля из подробностей семейной жизни (а те, что там есть, существуют отнюдь не в масштабе «телефонных» излияний о прошлом — это грустная и, я бы сказал, самобеспомянутая исповедь о несовершенстве человеческих отношений). Вы не найдете здесь ни риторических банальностей о «предназначении искусства», ни сентиментального лицемерия в адрес законсервированных в непогрешимости «учителей и наставников» — словом, всего того, что выходит из-под рубанка т. н. «литзаписчиков». Как ни изумляются некоторые (в основном дамский состав писательско-актерского «бомонда»), но Гурченко, представьте, пишет сама.

Нет, Гурченко, по ее собственному признанию, не считает себя писателем. «К своему несчастью, — пишет она, — стала кое-что понимать. Понимать больше, чем требуется в моей зависимой профессии». Вот стремлением-то освободиться от этой зависимости и вызвано, на мой взгляд, обращение актрисы к прозе. Не боясь разрушить победительный звездный «имидж», Гурченко доказывает, что в слове «аплодисменты» таится не только пьянящий вкус победы, но и горький привкус поражения...

В «Аплодисментах» нельзя не услышать голос Гурченко, эти ее интонации (которые так не удаются пародистам), завершающиеся простодушной харьковской вопросительностью. — Пурист, допускаю, скривится при этом, сочтя подоб-

ную «магнитофонность» стиля знаком литературной «неполноценности». Но бог с ним, с пуристом. Гурченко не изменит. Она бы могла, например, воспользовавшись книгой, обратить своих противников в поклонников: срезать углы, сгладить конфликты, не выпячивать, как скажет кто-то, свое «я»... Но нет, если уж «я» есть, его не спрячешь. И вот в заключительной части, названной «Характер портится», Гурченко, без экивоков, рискуя, вероятно, испортить отношения с некоторыми режиссерами, дает свою трактовку событий на съемочных площадках... Опять-таки, как я вижу, освобождение от зависимости.

Это вообще у сегодняшней Гурченко принципиальное свойство. Поэтому же, я думаю, она вышла недавно и на эстраду. «Мало ей

кино, телевидения, литературы», — скажет тот же кто-то. Мало, отвечу я за Гурченко. Талант жаден до дела, и это, наверное, самая прекрасная жадность на свете.

Несколько вечеров в концертном зале «Россия» шла программа, насыщенная не только музыкой (что, согласитесь, вполне естественно для этой актрисы), но и мыслью. Гурченко «взяла» зал: блестящая рассказчица, она умеет даже самую невеселую ситуацию оттенить иронией, а чаще всего — самоиронией. При этом шутя, остра, она нигде не пользуется той, по циничному определению матерых эстрадников, «здоровой пошлостью», которая способна привести в иступленное веселье значительную часть публики.

О том, как поет Гурченко, о том,

как в простой мелодии и подчас нехитром тексте она передает Время, сказано уже немало. Всякий раз песня для нее — это не законченная конструкция, а лишь повод к импровизации. Актриса готова создать сюжет из ничего, из воздуха, из пойманного ею взгляда зрителя, из неловкого движения оркестранта...

И тут же — азартный розыгрыш с давней-давней песней, в которой звучали такие вопросы: «хочешь миллион?», «хочешь в турпоход?». Когда-то они выглядели риторическими, и ответы были однозначными. Сегодня же, подпевая Гурченко, зал не очень охотно соглашается идти в турпоход и уж вовсе не прочь получить миллион... Понятно, что это шутка. Но тем не менее, сбив привычную рифму, Гурченко заставила задуматься — и над возрастными изменениями наших желаний, и над тем, как желания эти представляла себе та массовая эстрада, чьи задорные сентенции на слуху уже не одного поколения.

В своей книге Гурченко признается в «неизлечимой болезни»: «От нее есть лишь одно лекарство. Болезнь отходит в тот момент, когда я вхожу в кадр новой картины». В том, что это случится и актриса, не снижая собственных критериев, войдет в кадр новой картины у меня нет сомнений, но я отнюдь не уверен, что и тогда она сможет победить «не побежденную временем горечь». Эта горечь — в природе ее таланта. И не поверим мы в оптимизм Гурченко, ограничьте она его сегодня лучезарной улыбкой Леночки Крыловой из «Карнальной ночи». Да и сама актриса не скрывает, что боится «таких людей, а еще больше актеров, у которых все всегда ровно и празднично. И душа не болит, и совесть не мучает».

Борис БЕРМАН.

Фото Игоря ГНЕВАШЕВА.